

Чапек Карел

Холмсиана, или О детективных романах

(Из книги "Марсий, или По поводу литературы", 1931)

Перевод И. Порочкиной

Прежде чем написать этот этюд о детективном романе, мне было суждено бодрствовать ночами. Правда, проводил я их, не погружившись в раздумья, а зачитавшись какой-нибудь неимоверно увлекательной и загадочной криминальной историей, ужасаясь, теряя голову, сгорая от нетерпения. К счастью, есть на свете разумные головушки, вроде папаши Табаре¹ и сообразительного Лекока², Эбенезера Грайса³ и Шерлока Холмса, инспектора Ганимара⁴ или инспектора Била и Макензи⁵, талантливого Ботриле⁶, детектива Хьюита⁷, Асберна Крага⁸, Хорна Фишера⁹ и отца

---

¹ персонаж из романа французского писателя Эмиля Габорио (1832 - 1873) "Дело Леруж" (1866), домовладелец с талантом сыщика.

² герой романов Габорио "Преступление в Орсивале", "Рабы Парижа", "Дело № 113" (1867) и "Господин Лекок" (1869), сыщик.

³ герой детективных романов английской писательницы Анны Катарини Грин (1846 - 1935).

⁴ инспектор полиции, персонаж романов французского писателя Мориса Леблана (1864 - 1925) о воре-джентльмене Арсене Люпене.

⁵ сыщик, персонаж книг английского писателя Эрнеста Уильяма Хорнунга (1866 - 1921) о воре-любителе Рафльсе.

⁶ Ботриле Исидор - сыщик, герой романов Леблана.

⁷ Хьюит Мартин - герой детективных произведений английского писателя Артура Моррисона (1863 - 1945).

⁸ герой детективных книг норвежского писателя Стейна Райвертона (Свена Элвестада) (1884 - 1934).

⁹ герой сборника рассказов Г.-К. Честертон "Человек, который знал слишком много" (1922).

Брауна¹⁰, профессора Крэга Кеннеди¹¹, доктора Торндайка¹² и всюду сующего свой нос Рулетабиля¹³.

Эти молодцы, несмотря ни на что, раскрывали, в конце концов, любую аферу, какой бы запутанной она ни была. Я не щадил тихих ночей, следя за их работой, и был вознагражден за свое бдение: мне известны теперь все детективные методы, а также все преступления, уловки, технические средства, переодевания, трюки и прочие мерзости, на какие способен пуститься самый прожженный преступник. И предупреждаю каждого, кто настроен по отношению ко мне враждебно, я могу уничтожить его тысячью способов — один другого изощреннее.

Кроме того, в качестве особого мандата для данной работы я предъявляю следующее признание: я сам уже некогда предпринял попытку написать сборник детективных рассказов. Я отнесся к замыслу вполне добросовестно, но получилась из него книжка "Распятие". К сожалению, никто не признавал в ней детектив. По-видимому, она мне не совсем удалась.

Детективный роман (я имею в виду чистокровный детективный роман, а отнюдь не уродцев — помесь житийной литературы с графоманством, отягощенной разнородными влияниями) — это литературное явление, столь же бесхитростное, как, скажем, эпическое стихотворение или детская сказка. Но поскольку именно несложным, доброт-

---

¹⁰ священник, выступающий в роли детектива, герой пяти сборников рассказов Честертон ("Неведение отца Брауна", 1911 г., и др.

¹¹ герой детективных романов американского писателя Артура-Б. Рива (1880 - 1936).

¹² Торндайк Джон - герой детективных романов английского писателя Ричарда Остина Фримэна (1862 - 1943).

¹³ Рулетабиль Жозеф - репортер, герой детективных книг французского писателя Гастона Леру (1868 - 1927).

ным и безотказно действующим произведениям присуща невероятно разветвленная генеалогия, необходимо двигаться в разных направлениях, чтобы проследить ее. Вероятно, мы будем выглядеть педантами, если станем перечислять уйму мотивов, которыми изобилует самый простой детективный роман. Мы будем пролагать себе путь по засушливой местности, покрытой дикими зарослями, не задерживаясь, чтобы полюбоваться чудесными видами. Итак, господи благослови, без долгих проволочек отправимся в путь.

Мотив криминальный. Этот мотив психологически самый сильный. Многие ужасно любят читать о преступлениях. Вероятно, это потребность. Недаром люди смакуют детективные романы и рубрику «из зала суда». Запретите то и другое, и они будут целыми вечерами просиживать на завалинке или у печки и рассказывать о преступлениях, совершенных в округе за последние пятьдесят лет. Пойдут рассказы о том, как мельник убил свою жену, пойдут разговоры о том, что сапожник когда-нибудь убьет свою жену и что сельский староста нечист на руку. Таким образом, следует признать, что в преступлении есть нечто весьма притягательное.

Некоторые объясняют эту потребность в щекочущих нервы сенсациях тем, что люди испытывают наслаждение от леденящих кровь ужасов. Думаю, это лишь часть правды.

О привидениях рассказывают не только потому, что они поэтически волнуют, но в потому, что в них немного верят. Люди интересуются преступлениями не столько в литературном плане, сколько в силу того, что их способен совершить любой и каждый. Читатель интересуется ими как чем-то значительным и доступным. Его волнует голо-

вokружительная перспектива: можно совершить то же самое. Его влекут эти открывшиеся зловещие возможности. Человек, не способный на преступление, интересовался бы им столь же мало, как человек, схвативший насморк, — запахом роз.

Психоаналитик сказал бы, что мы страстно увлекаемся криминальными историями, поскольку это единственная возможность погрузиться в тайну преступности. Может, он назвал бы это объективизацией скрытых преступных влечений или другим научным термином. Что касается меня, то я не могу не согласиться с этим, но считаю, что криминальное чтение, кроме наших потаенных преступных влечений, объективизирует также наше скрытое и страстное влечение к справедливости, что оно выявляет в нас, кроме тайных преступников, также потаенную святую фему¹⁴. Ты, читатель детективной литературы, участвуешь в преступлении, но тут же и караешь за него. В тебе просыпается Каин и в то же время — глас, вопиющий: «Что совершил ты? Будь же проклят во веки веков и присно!»

Из этого, правда, не следует, что удовольствие от криминального чтения нравственно возвышает или наоборот, но одно можно сказать, наверное: удовольствие это двойное и потому вдвойне волнующее.

Тут нужно отклониться немного в сторону, чтобы сказать несколько слов о существенном различии между грехом и преступлением. Детективные романы не имеют к греху никакого отношения. Грех — это определенное дурное состояние души, тогда как преступление — это определенный дурной оборот дела. Есть тяжкие грехи, которые не являются тяжкими преступлениями, и наоборот. Как только писатель начинает интересоваться душой преступ-

---

¹⁴ Фема - тайный самосуд в средневековой Германии.

ника, он оставляет почву детективного романа. По этой причине здесь не будет произнесено имя Достоевского.

Мотив юридический. Основной темой детективного произведения является поединок между преступлением и человеческой справедливостью. В настоящем уголовном романе с преступлением сталкивается высшая и не совсем понятная нравственная система, которая, в конце концов, наказует зло и вознаграждает добро. В детективных романах вместо высшей системы действует всего-навсего людская справедливость, и если она, в конце концов, и побеждает, то лишь благодаря проницательности и с помощью самых обыкновенных методов.

Любовь к случаям из юридической практики стара как мир. Например, способ, каким Соломон рассудил двух женщин-торговок, — превосходный образчик детективных приемов. Подобные же детективные достижения я мог бы процитировать из индийских, арабских, кордофанских и других преданий. У всех народов бытуют истории о мудрых судьях, которым удалось изобличить виновника достопамятным образом и с помощью одного лишь хитроумия. По сути, это прекрасная и очень старая традиция житейской находчивости, рационализма, практического опыта и наблюдения, исключая какое бы то ни было метафизическое вмешательство. Примечательно, что эта острота ума, ничего не принимающего на веру, нашла отражение в произведениях сказочного характера наравне с чудесной властью волшебников и ратными подвигами принцев. Из чего можно заключить, что так называемый «чистый интеллект» является столь же исконным и издревле возвышенным и значительным, как миф и эпос.

Обратите внимание еще на одно обстоятельство: уголовный роман требует, чтобы негодяй расплатился за все.

Уголовный роман слишком насыщен чувствами, мотивами этическими и иррациональными, чтобы отказаться от максимального возмездия.

Детективный роман никогда не сопровождает злоумышленника до виселицы или до тюрьмы и ни капли не заботится о том, сколько лет ему припаяют. Его интересы исчерпаны раскрытием преступления и поимкой персонажа, поскольку с точки зрения справедливости единственно это — хитроумно и рационально. Наказание по сути иррационально, вина иррациональна, поэтому тут уже привлекается суд присяжных, чтобы он изобрел что-либо подобное испытанию огнем или другому виду ордалии. Но наблюдение, опыт и смекалка отказываются идти дальше разбирательства, дальше классического *quis, quid, ubi, quibus, auxiliis, cur quomodo, quanda*¹⁵, иными словами — дальше интеллектуального удовлетворения тем, что произошло.

Итак, в то время как криминальный мотив утоляет примитивную и скрытую тягу к преступлению, мотив юридический утоляет столь же исконную и страстную потребность поймать преступника и утвердить справедливость. Однако и то и другое в детективном произведении ограничено чисто интеллектуальным утолнением жгучего любопытства (как это произошло), исключаящим начало сострадательное.

Мотив загадки. А теперь я вам скажу, что преступление и юриспруденция не являются основными и самыми существенными мотивами детективного романа. У истоков его стоит другой, наиболее древний: Сфинкс, загадывающий загадки; дикое, мучительное наслаждение разгадывать

---

¹⁵ Кто, что, где, при чьей помощи, для чего, каким образом, когда (лат.).

загадочное; страстная потребность разгрызть крепкие орешки вопросов, подстерегающих вас на каждом шагу. В древнейшей культуре прошлого рассеяны литературные свидетельства этого неукротимого интеллектуального порыва: Эдип, отвечающий Сфинксу, намеревающемуся его поглотить (поскольку все загадочное поглощает человека); китайские загадки, «Турандот», загадки индийские, малайские, персидские, арабские и любые другие, кончая детскими шарадами, цифрами ребусов, акростихом, кроссвордами, а также шахматными задачами. Весьма характерно для развития мышления, что интеллект сначала ставит проблемы чисто вербальные, требующие абсолютного словесного решения. Потому что вначале он прямо упивается словом, которое для него и цель, и инструмент, он играет его двусмысленностью, омонимичностью и символикой, он подстраивает словесные ловушки, измышляет парадоксальные словесные ситуации и создает впечатление, что речь идет об абсурдных и невероятных ситуациях реальных. Однако интеллект слишком неукротим, чтобы довольствоваться этой игрой в слова; он переходит к философии и набрасывается на действительность, чтобы с не меньшим жаром развлекаться разрешением загадочного в ней. Но поскольку мне не хочется здесь заниматься наукой, я просто скажу, что детективное произведение — это логическое решение искусственно сконструированных загадок реальности.

А теперь рассудите практически: что среди явлений реального мира более всего и, прежде всего, является загадочным? То, что по каким-либо причинам утаивается. А что, скорее всего, утаивается? Разумеется, преступление. Господи боже, до чего все просто! Детективное произведение, в конце концов, интересуется не изнасилованиями,

поджигательствами, отцеубийством и другими мерзостями как таковыми, а безумно запутанными и загадочными ситуациями, перед которыми нормальный разум пасует со всем своим запасом банальных предположений, оценок, опыта и предпосылок. Необходимо создать ситуацию столь же парадоксальную, немыслимую, абсурдную, невообразимую, как в загадках. Но тут появляется Эдип, я хочу сказать — детектив, и с хода раскрывает двойной смысл и ложность некоторых улик, он дает им правдивое толкование, и — дело в шляпе.

Детектив — это просто тот, кто не дает себя поймать на удочку коварного интеллекта и убивает мучителя — Сфинкса.

Что же касается читателя, то он до предела взволнован загадочностью происходящего; сознавая всю свою ограниченность, он лишь изредка отваживается предположить, кто убийца и что же произошло, и, конечно, безошибочно попадает пальцем в небо: убийцей оказывается не тот!

Если мотив загадки является альфой и омегой детективного произведения, то он является также, — и видит бог, это несправедливо, — его фатальным литературным подвохом. Чем более захватывающа загадка, тем больше разочарования приносит решение, поскольку в итоге оно предельно просто, и читатель приходят в ярость от мысли, что он не разгадал все это сам. Он чувствует себя одураченным, оскорбленным и разочарованным.

Мотив деяния. Кажется, я сошел с ума. Не успею дать одно определение, как тут же спешу его опровергнуть. Я сказал, что детективное произведение — это разрешение

загадки, сейчас же я утверждаю, что детективное произведение, скорее эпическое произведение, и его тема — необыкновенное личное деяние.

Преступление — уже достойное удивления деяние, и эпическое произведение предпочтет заниматься именно преступлением, чем, скажем, проблемой атрофирования спинного мозга или пением монастырских послушниц. Преступник своего рода герой. Он окружен ореолом романтики, он изгой, он бунтарь. Он водит за нос сборщиков налогов, суды и законы, он вызывает тайные симпатии народа. Яношик¹⁶ и Бабинский¹⁷, Робин Гуд и Ринальдо Ринальдини¹⁸, Фра Дьяволо¹⁹ и Ондраш с Лысой Горы²⁰, их истории — чистейшие эпические истории. Арсен Люпен лишь приглаженный потомок этой суровой и монументальной галереи лесных предков. Арсен Люпен живет в романтической и густонаселенной столице, точно так, как Робин Гуд жил в романтических и густых лесах; он мчится в стремительном экспрессе, столь же по-рыцарски, как Ринальдини на стремительном скакуне. Наши дикие пещеры — это международные отели; банки аналогичны романтическим тропам, по которым купцы везут свои сокровища; а наши улицы столь же чреватые опасностями и приключениями, как Абруццы²¹ или горы Шотландии.

---

¹⁶ Яношик Юрай (1688 - 1713) - легендарный словацкий благородный разбойник, раздававший беднякам награбленное у богатых.

¹⁷ Бабинский Вацлав (1796 - 1879) - чешский разбойник, герой многих романов «для народа» и ярмарочных песен.

¹⁸ герой романа немецкого писателя Христиана Августа Вульпиуса (1762 - 1827) «Ринальдо Ринальдини, предводитель разбойников» (1797).

¹⁹ разбойник, герой итальянских народных преданий.

²⁰ легендарный разбойник, герой преданий, распространенных в чешской Силезии; на Лысой Горе якобы находилось его прибежище.

²¹ наиболее высокая часть Апеннинских гор, некогда славились как обители разбойников.

Преступление выделяется из всех человеческих поступков, оно авантюрно и эпично, — прежде всего потому, что представляет собой индивидуальный выпад личности против общества, силы организованной и обезличенной, а кроме того, потому, что в глубине души мы все ужасные анархисты. Преступник (в романе) неизбежно является носителем гордого и крайнего индивидуализма! Его положение в обществе и впрямь совершенно исключительно. Каждый эпический герой исключителен и одинок, независимо от того, действует ли он один, на свой страх и риск, или выступает предводителем и главарем других, что является, в сущности, лишь разновидностью независимого и индивидуалистического одиночества. Таким образом, человек должен быть либо сильной личностью, либо, на худой конец, преступником, дабы стать настоящим эпическим героем, но главное — он должен заявить о себе каким-либо значительным деянием, свершенным в одиночку.

Во-вторых, преступление авантюрно и эпично потому, что на преступника охотятся, как на дикого слона, тигра или медведя. Древнейшие человеческие инстинкты — охотничьи инстинкты: доисторический человек из Кро-Маньона или из Альтамиры²² наверняка, кроме живописи и пластики, изобрел еще и эпическую поэзию, когда, высасывая мозг из кости, рассказывал, как ловко он поймал бизона и как выследил, шутка сказать, стадо мамонтов. В наши дни уже нельзя, сидя у костра, сочинять эпос о поиманной зайчихе или красочно описывать полную опасностей охоту на первобытного льва. Не те времена. Зато можно, сидя у камина, прочесть о том, как здорово Шерлок Холмс сцапал убийцу и как он выследил, шутка ска-

---

²² В пещере Альтамира (Северная Испания) в 1876 г. были найдены наскальные рисунки древних охотников.

зять, шайку грабителей, очистивших банк. Здесь налицо охота, ловушки, чтение следов, оставленных в пыли и грязи, слежка, погоня, побег, защита, окружение добычи, борьба врукопашную и все прочие коллизии из практики первобытной охоты.

Детективная литература — самая древняя, она — наиболее сохранившееся доисторическое воспоминание об эпохе каменного века. Охотничье искусство древнее письменности.

Сыщик — это прачеловек, охотник и следопыт. Но сыщик еще и эпический индивидуалист, совершенно такой же, как и преступник, добыча сыщика. Как правило, он всеми силами души презирает коллективный аппарат полиции и берется за дело сам, без чьей-либо помощи. Он и полиция, являющаяся орудием организованного общества, постоянно вызывают друг у друга острое раздражение, доходящее чуть ли не до прямого столкновения. Сыщик всегда занимается не тем, чем полицейский. Он гениально одинок, часто даже — чудаковат и замкнут, он отшельник в этом огромном мире. Риск для него — спортивное и геройское наслаждение, он часто попадает в положение, когда жизнь его висит на волоске. Что же, у него железные нервы, твердокаменные мускулы, до отказа набитый патронами пистолет, да к тому же он умеет боксировать не хуже мастера легчайшего веса (поскольку он всегда сухопар). Он ревниво следит за тем, чтобы все сделать самому. Каждая афера для него — только лишь повод для личного успеха, и он стыдился бы одолеть противника грубым численным превосходством организованных людей.

Здесь необходимо коснуться особого мотива сопровождающего, который возникает во всех произведениях детективного характера. Да, сыщик эпичен в своем одиноче-

стве, но в силу особых причин у него уже со времен Дюпена²³, героя Эдгара По, есть соратник, сопровождающий, личность несколько пассивная и преданная, которая ему иногда помогает, но чаще выступает в роли слушателя, забавляя его полным отсутствием детективных способностей, или, случается, — в роли летописца и певца его свершений. Я не могу исчерпывающе объяснить причины этого явления, но знаю, что Сагелские короли²⁴ всегда брали с собой в поход летописца и что настоящий эпический рыцарь, пусть он и не Дон-Кихот, просто немыслим без верного оруженосца. К тому же необходимо, чтобы кто-то наблюдал за детективом во время его работы и поражался его до поры, до времени необъяснимыми замыслами и поступками.

Тиль Уленшпигель. Если перебрать рассказы всех народов от экватора до самого полярного круга, мы повсюду встретимся с очень симпатичной фигурой смекалистого живчика, прошедшего огонь, воду и медные трубы, но проделавшего все это словно бы ради собственного удовольствия. Его остроумие экстравагантно и парадоксально, поскольку не служит целям коммерции, политики и прочих занятий, доходных и почтенных. Оно существует само по себе, как чистое любительство, как некое *l'art pour l'artism*²⁵ абсолютной прожженности, стоящее на грани между хулиганством и гениальной хитростью, шутовством и практической философией. Это вечный и общечеловеческий мотив Уленшпигеля. Самый древний и героический

---

²³ герой детективных рассказов Эдгара По (1809 - 1849) «Тайна Мари Роже» (1842), «Убийство на улице Морг» (1846) и «Пропавшее письмо» (1846).

²⁴ Сагел - область в Алжире.

²⁵ искусство для искусства (франц.).

Уленшпигель — это не кто иной, как божественный Одиссей.

Мы не можем здесь подробнее развивать эту прекрасную тему. Мы лишь констатируем, что человек с незапамятных времен питает к хитроумию столь же глубокое и поэтическое чувство восхищения, как и к героическим деяниям, потому что в борьбе за жизнь прожженность и ловкачество ценятся не меньше, чем сила и мужество.

Детективное произведение — это современное воплощение и героизация самоцельной и практической хитрости. Есть детективы (как Асберн Краг или инспектор Бил Макензи, старина Грайс и многие другие), которые выполняют свою миссию с убийственной серьезностью, словно они государственные деятели или привратники в здании суда. Причиной является, по-видимому, то обстоятельство, что они состоят на государственной службе в полиции: работа чиновника не может выполняться с юмором и без некоторой доли угрюмости. Но вечный Уленшпигель, сам на славу потешающийся результатами своего ловкачества, склонный к юмору, к эффекту и *mise-en-scene*²⁶, этот слегка тщеславный артист, Боско на сцене²⁷, артист, для которого важно не столько достижение цели, сколько способы ее достижения, — как это сделать, как удивить, как поавантажнее раскланяться под занавес, — он всегда сыщик-любитель, неофициальный призер, спортсмен в области криминалистики, короче — Шерлок Холмс, или Рулетабиль, или для разнообразия Арсен Люпен; вариантов и оттенков тут сколько угодно. У каждого из них своя галерка, свое артистическое тщеславие, своя снисходительная ухмылка; каждому его работа доставляет наслаждение, а

---

²⁶ броской театральности (франц.).

²⁷ Боско Бартоломео (1793 - 1863) - итальянский фокусник.

особое удовлетворение — формальное совершенство в ее исполнении. Это виртуозы по части наблюдений, сопоставлений и других высоких умственных операции. И восхищение, которое мы испытываем к ним, столь же глубоко и заслуженно, как восхищение человеком на турнике.

Одной из старейших в мире детективных историй является опознание Одиссеем переодетого девушкой Ахиллеса среди дочерей Ликомеда. Если бы Одиссей был сыщиком-ремесленником, он опознал бы его сквозь замочную скважину или допросив прачек. Но, будучи наделен живым умом, он прибег к знаменитому и великолепному психологическому трюку с мечом и украшениями. Обыкновенный ум довольствуется результатом, высший уленшпигелевский интеллект удовлетворяется самим процессом. Уленшпигель не просто стремится разгадать загадку, он хочет сбить с толку и одурачить самого Сфинкса. Пусть вас не вводит в заблуждение маска на лице гениального детектива; если вы столь же проникательны, как он, то сумеете разглядеть под ней выражение потешающегося, довольного собой плута, которому только что удалось перехитрить преступника, Скотланд-Ярд или вас самих.

В общем, традиционный Уленшпигель — это лишенный каких-либо уз, самоцельный интеллект; гений, который еще не решил, стать ли ему великим преступником или великим детективом.

Дух метода. Между двумя последними существует значительное различие как с точки зрения истории, таи и в культурном уровне: Уленшпигель — человек момента и настроения, тогда как сыщик — методист. Свойственные ему от природы живой ум, охотничий нюх, наблюдательность, аналитические способности плюс опыт, горы протудированной специальной литературы о различных

свойствах сигарного пепла, по минералогии, по ботанике, о разновидностях восточного оружия, о мореплавании и о множестве других вещей, потрясающая универсальность его познаний (за вычетом всеобщей истории, астрофизики, церковной эксегетики и некоторых других узких отраслей знаний) — все эти замечательные достоинства, к которым я могу еще прибавить исключительную память, хладнокровие, железную логику и потрясающую точность, — все это, повторяю, подчинено строгой рациональности метода, соображениям порядка и взаимосвязи явлений. Честное слово, нет мозга более вышколенного и дисциплинированного, чем мозг детектива. Пусть это будет Дюпен или Холмс, они любят в минуту откровенности (смотри мотив сопровождающего) поговорить об аналитическом методе с увлечением университетского доцента. Даже такой озорной сыщик, как Рулетабиль, апеллирует «к последней капле своего разума», чтобы возобладать над хаосом и двусмысленностью фактов. Примитивный детектив, вроде Клифтона²⁸, бросается в криминальное дело, как собака в драку; полицейские служащие, скажем, Ганимар, Краг или Грайс, работают терпеливо и систематически, но без индуктивной фантазии, скорее как опытные практики, чем исследователи, движимые взлетом целенаправленной мысли. И все же отец современного детективного романа Эдгар Аллан По конструировал свой сыскной метод абстрактно-философским путем, синтезируя его из законов ин-

---

²⁸ Клифтон Леон - герой книг «Леон Клифтон. Из воспоминаний американского сыщика» (Прага, Р. Шторх, 1906 - 1910) и «Леон Клифтон. Схватка миллионов. Авантюрное кругосветное путешествие американского сыщика Леона Клифтона» (Прага, Р. Шторх, 1910), выходящих с продолжением, отдельными выпусками. Авторами этих книг были чешский актер, драматург и переводчик Ярослав Пульда (1871 - 1926) и А.-Б. Штясны (1866 - 1922).

дукции, анализа, толкования текстов и логического правдоподобия. Классик среди детективов — Шерлок Холмс обогатил эти средства огромным арсеналом специальных знаний, естественноведческой экспертизой и непосредственным наблюдением, как бы впитав своим умом всю основательность и математическую трезвость позитивизма. Профессор Крэг Кеннеди и доктор Торндайк дополнили его арсенал современным лабораторным экспериментом, в котором метод прямого наблюдения совершенствуется, но в то же время и изживает себя, потому что измеряющие устройства и лабораторный опыт целиком заменяют умственный взор, обращенный к действительности и ищущий взаимосвязей. Таким образом, охарактеризованный выше процесс находит здесь свое завершение.

У французов метод зависит от индивидуальности, являясь скорее следствием темперамента, чем изучения. Скажем, Рулетабиль или Ботриле, а еще раньше Лекок и папаша Табаре по природе своей ничем не отличаются от таксы или добермана. Это следопыты от рождения и по инстинкту, они не могут заниматься ничем иным, как просто следовать своему чутью, и интеллект у них тоже звериный. Шерлок Холмс насквозь методичен, даже его внешность, его тонкие губы и жилистые руки, заостренный нос, глаза и трубка отмечены печатью профессионального сыщика. Но у Табаре Габорио вид и привычки благодушного рантье, Рулетабиль улыбается вам, у него круглое невинное лицо пройдохи, Лекок задумчиво посасывает конфетки, словом — никто ничего не заподозрит. Им присущ свой метод, как присущ он гончей собаке или мунго, охотящемуся на змей. Только в основе этого метода лежит горячность инстинкта и необузданность интуиции.

Наконец, существует мистический метод отца Брауна, святого Франциска среди детективов. Его опыт проповедника хотя и помогает ему вовремя распознать опасность, грозящую человеку, готовому ступить на дурную стезю, но основная черта его как детектива совсем иная: это покорность. Добрый и скромный пастор по простоте душевной клонит очи долу и собирает в пыли мелкие и незаметные предметы, которые другая, более горделивая и светская личность сочла бы недостойным внимания. И что же: эти неприметные следы — таинственные шифры, к которым пастор с божьей помощью и во внезапном озарении подбирает ключ и узнает о страшных замыслах или поступках заблудших людей. Я не думаю, чтобы этот метод был хуже лабораторных чудес профессора Кеннеди.

Тут я не могу удержаться, чтобы не воздать хвалу методу. Пусть другие воспевают страсти романтических демонов, красоту женских глаз или восход солнца, я восхваляю ясность, согласованность и порядок, силу разума, который сравнивает, сопоставляет, выстраивает в систему и увязывает; метод — это мудрый гид, который ведет нас за руку сквозь хаос фактов: и вот они расступаются.

Хочу заметить также, что детектив — в известном смысле героический тип современного человека. Он деятелен и подвижен, он чего-то хочет и добивается своего настойчиво и методически, кроме того, он много знает, он универсален, начитан, держит в голове массу конкретных знаний. Это человек, который разбирается, что к чему, человек дела и знаний. Все знать, находить выход из любого положения, во всем доискиваться сути, а когда дойдет до дела, одним ударом повергнуть наземь дюжего молодца, — кто из нас устоял бы перед таким идеалом? Детективу не нужно заниматься собой, он сам для себя не проблема,

он не обращает внимания на свои чувства, потому что его внимание занято делами и действиями. Он не спрашивает, сподобится ли он удачи, он задается вопросом, как разумнее поступить в данный момент. Он не размышляет над тем, что есть человек, он размышляет над тем, где он. Его мир заполнен конкретными вопросами и конкретными фактами. Но в нем отсутствуют тени, миражи, высокие материи и грезы. Он самый законченный реалист во вселенной.

Он вне человеческих отношений. Стоит ему влюбиться, как он сразу же утратит свою интеллектуальную чистоту.

Мотив случайности. Но чего стоил бы весь этот разум, вся эта методичность, универсальность познаний, если бы детективу особым, чудодейственным образом не служила случайность. Случай приводит его в нужную секунду на нужное место, случай посылает ему в руки неожиданные улики. Посколькузнувшись, он непременно падает прямо на след убегающего преступника, вместо того чтобы просто расквасить себе нос, как это случилось бы со мной или с вами. Мне часто кажется, что я столь же сообразителен, как и детектив, но мне просто не везет, и в этом-то вся беда.

Есть люди, которые считают случайность в детективном романе, так сказать, недозволенным приемом, недостойным трюком, которым автор *unfair*²⁹ помогает своему фавориту. Это грубая ошибка. Теоретики-криминалисты, такие сухие и по-немецки дотошные, как Грос³⁰ и Хоплер, перечислив всё, что следователь должен знать и уметь, обрисовав, каким надлежит ему быть и что он должен де-

---

²⁹ лукавая (англ.)

³⁰ Грос Ганс (1847 - 1915) - немецкий ученый, автор фундаментальных трудов по криминалистике.

лать в таком-то и таком-то случае, твердо и открыто заявляют, что прежде всего он должен родиться в сорочке. Иначе-де он гроша ломаного не стоит. У одних людей рука легкая, другие — неудачники и недотепы. Это неоспоримо. В конце концов, секрет успеха — это секрет случая. Осуществление любой мало-мальски сложной операции (как-то: отправка на почте письма с адресом и маркой, ограбление банка или прикрепление к стене картины) чревато тысячью коварных и непредвиденных осложнений, которые ставят под угрозу успех дела. Без капли везения вам и ботинка не зашнуровать. В то же время, как бы ни был загадочен и непредвиден случай, он в известной мере обусловлен вашими взглядами на жизнь, вашим темпераментом, вашим настроением, храбростью, энергией и предприимчивостью. Счастье любит смелых, но чтобы быть смелым, для этого, братцы, необходимо обладать определенной практической философией, светлой головой, живой заинтересованностью, уверенностью в себе и массой других оптимистических качеств. Хотя успех — это случайность, однако сама случайность — отнюдь не просто случайность. Случайность можно заслужить, случайность можно призвать. Спросите об этом великих людей дела.

Детектив обязан быть везучим, у него должна быть соответствующая натура: он должен обладать известным запасом оптимизма и не должен быть тугодумом, не должен иметь личных пристрастий; он должен быть деятельным и отличаться некоей свободой духа. В нем воспет современный герой — человек преуспевающий.

Протоколирование. В романтической литературе человек либо прекрасен, либо отвратителен по своей сути. В детективных романах подобные крайности отсутствуют. В разговоре с девушкой детектив отмечает не то, что ее руки

созданы для любви, а что этими руками она пишет на машинке: он даже не заметит робкого взгляда воплощенной невинности, но зато возьмет на заметку несколько веснушек на носу или грязь на туфле. В романтической литературе по башмаку никогда не видно, кто во что вляпался. Здесь же мир совершенно иной. Даже у преступника на носу написано не то, что он преступник, а что он пьет можжевеловую водку и потому, по всей видимости, является торговцем-разносчиком. Даже Каинова печать была бы тут не знамением божьим, а «характерной приметой» и следом прежней профессии (скажем, лоб был разбит о плуг или во время падения с сеновала). Действительность здесь тоже фиксируется. С нее попросту снимается протокол. Когда детектив входит в комнату, его привлекают не царящая там атмосфера многолетней мирной жизни, а царапины на двери или отсутствие пыли на камине. Все окружающие предметы существуют лишь для того, чтобы запечатлеть чьи-то следы, и даже люди — всего-навсего носители следов собственных деяний. Детектив не посмотрит мне в глаза, чтобы сказать: «Послушайте, вы хороший, вы прекрасный человек, это сразу видно». Он взглянет на меня и скажет: «Вы зарабатываете себе на жизнь пером, думаете, опершись головой о спинку кресла (догадка, подсказанная, видимо, моими взъерошенными на затылке волосами), и любите кошек. Сегодня вы были на Индржишской улице — когда там, наконец, закончат строительство дома? — и отправили письмо в Англию» (как он об этом проведал, до конца дней останется для меня загадкой). Для детектива весь земной шар — лишь «место преступления», покрытое изобличающими следами. И я жду великого детектива, который узрит на звездах

отпечатки пальцев господ бога, а в покрытой росой траве измерит следы его ступней. И схватит его.

Уникальность. Но нет, нет никаких отпечатков пальцев по методу Гальтона³¹. Настоящий детектив не унижится до того, чтобы с помощью какого-то несчастного отпечатка пальцев (исключительно для вашего сведения: рисунок отпечатков напоминает спирали, зигзаги или волнистые линии)³² искать преступника в архивах полицейского управления. Согласно существующей полицейской практике, обычно новое дело присовокупляют к уже расследованному и, таким образом, ищут бандита среди бандитов, а не среди владельцев бубенечских вилл³³ и вора — скорее в Еврейских Печах³⁴, чем среди членов «Философского общества». Полиция без труда раскрыла бы убийство на улице Морг, если бы на основании надежных данных могла утверждать, что такие убийства совершают обычно гориллы. Полицию отличает особая и несколько меланхолическая уверенность в том, что все случаи — старые и обыгранные и протекают по определенным устоявшимся правилам. Самое удивительное здесь то, что в большинстве случаев она права.

Напротив, перипетии детективных романов — это криминальные уникамы, не укладывающиеся ни в какие правила, не поддающиеся обобщению и проверке ранее известной практикой. Каждый ход должен быть абсолютно оригинальным изобретением мастера, плодом находчиво-

---

³¹ Гальтон Френсис (1822 - 1911) - английский антрополог, путешественник и писатель. В 1889 г. предложил метод установления личности по отпечаткам пальцев, получивший название - дактилоскопия.

³² Божий перст оставил бы знак бесконечности. (Прим. автора)

³³ Бубенеч - район в северной части Праги.

³⁴ Еврейские Печи - в те годы - холмистая пустошь в рабочем предместье Праги - Жижкове, место отдыха бедноты.

сти и новым мировым рекордом. Необходимо искать новые и новые повороты, такие, каких еще не бывало, такие, которые превосходят все известные, такие, по сравнению с которыми все предыдущие — ноль, такие... такие... короче говоря, сногшибательные. Это имманентное проклятие детективных романов, их злой дух, их муки, их гибель. Ибо знайте, что они уже при последнем издыхании, они до смерти измотаны сумасшедшей гонкой. В отчаянии они ухватились за политику великих держав, за немецкого императора, за мировые войны, но и это все уже обсосано, и если их не спасет папа, марсиане или конец света, мы сможем говорить о бывшем литературном жанре. *Fueramus Pergama*³⁵, аминь.

Будем же благодарны судьбе мы, остальные писатели, кто, вопреки своему стремлению проявить себя по-новому, пишет на извечные темы. Извечные темы у нас никто не отнимет. Извечные темы неисчерпаемы, ибо, учитите, мы сами постоянно множим их, и когда будем подводить свои личные итоги, то увидим, что и мы — староваты, хотя много лет тому назад притязали на некую новизну. Можно изобрести много чего нового, но в прежней действительности столько неоткрытого и невообразимого, что мы всегда можем отправиться туда, как в золотое Эльдorado.

Кажется, что и в самом деле детективный роман уже миновал свой апогей, оказавшись всего лишь скоропреходящей модой. Но примечательно, что в каждой преходящей моде заключено нечто извечное. Между тем, если в моду вошли меховые шубы, ни один из наших современников даже самого преклонного возраста не вспомнит, что

---

³⁵ «были и мы когда-то Пергамом» (лат.); сожаление о славном, но безвозвратном прошлом; Пергам - Троя.

они были в моде еще в каменном веке. Если носят, к примеру, короткие юбки, то забывают, что они были в моде уже у праобитателей Соломоновых островов. В известном смысле любая мода — это возвращение вспять и атавизм.

Мы видели, что в детективном романе оживают древние мотивы: находчивый судья, тайна, Уленшпигель, эпическая охота. В то же время мы заметили, что здесь с прямо-таки документальной наглядностью отражается исторический переворот в современном мышлении. Практический рационализм, методичность, всесторонняя образованность, абсолютный эмпиризм и страсть к наблюдению, анализ и увлечение экспериментом, философская констатация и подавление всякой позорной субъективности, — не напоено ли это все молозивом и молоком священной коровы нашего века? Честное слово, я говорю это и в хорошем и в дурном смысле: детектив — собирательный тип нашего века, так же как Сид - собирательный тип рыцарского средневековья. Полно и жадно живет он современностью, всегда *up to date*³⁶, неизменно употребляя в дело все, что дают ему наука, техника, газеты, опыт только что протекшего мгновения. Нет человека более современного, чем он. Что для него Гекуба?³⁷ Но если кто-нибудь выкрадет из музея ее золотой треножник... Вот это уже достойно внимания! Facts! Facts! Facts! Ибо настало время фактов, а отнюдь не слов.

Ты же, святой Фома, ты — патрон детективов, потому что не призвал ты таинства, пока не вложил пальцы в рану. Убедившись, что она нанесена острым металлическим

---

³⁶ с учетом требований сегодняшнего дня (англ.)

³⁷ Гекуба - одна из героинь «Илиады». Гамлет в трагедии Шекспира говорит об актере, читающем монолог о страданиях Гекубы: «Что он Гекубе, что она ему?»

орудием снизу и что она, безусловно, смертельна, ты счел дело расследованным вполне удовлетворительно.

Выводы сделайте сами. Если можно сделать несколько — выберите любой из них. Что касается меня, то я не хотел вас ни в чем убеждать. Но мне приятно находить хорошее в области, пользующейся дурной репутацией.

Текст дается по изданию: Чапек К. Собрание сочинений в семи томах. Т. 7. Статьи, очерки, юморески. М.: Художественная литература, 1977, с. 318 – 334;